

Нина Грудева

*Зеркало
Вятки*

Нина Грудева
Зеркало Вятки

«Автор»

2026

Грудева Н.

Зеркало Вятки / Н. Грудева — «Автор», 2026

Род Анны сто лет не может покинуть город. Не потому что не хочет. А потому что Хранители Вятской земли держат слово.

© Грудева Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. УЗОРЫ НА ОКНЕ.	5
ГЛАВА 2. ИСПОВЕДЬ НА КУХНЕ.	7
ГЛАВА 3. ГОЛОС РАЗУМА И АРХИВНАЯ ПЫЛЬ.	10
ГЛАВА 4. КАРТА ЗАБЫТЫХ ДОРОГ.	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Зеркало Вятки

Глава 1. УЗОРЫ НА ОКНЕ.

— Аня, я больше не могу ждать. Мне предлагают место в Петербурге. Хорошее, с перспективами. Я уезжаю через месяц. Я хочу, чтобы ты поехала со мной. Начала новую жизнь. Или... или мы расстаёмся сейчас. Пока не стало ещё больше.

Анна вздохнула. Стоило лишь представить другой город, другую квартиру, другое небо, как её горло перехватил спазм. Но ещё страшнее было потерять Максима.

— Я... я не могу, Макс, — прошептала она, чувствуя, как по щеке предательски скатывается слеза. — Просто не могу. Да и не хочу. Ты же знаешь.

— Знаю. — Он тяжело вздохнул, и в этом вздохе послышалась окончательная усталость. — Но это не «не могу». Это страх. Мы тонем в нём, Аня. Я позвоню через неделю. Подумай.

Гудки в трубке сменились тишиной. Анна опустила голову на холодный экран ноутбука. За окном барабанил дождь, размывая огни города в грязные, бесформенные пятна. Она чувствовала себя мухой в янтаре: живой, но уже приговорённой.

Чтобы не задохнуться в четырёх стенах, она поехала в старый бабушкин дом на одной из центральных улиц, где деревянные наличники с резными коньками ещё помнили дореволюционную Вятку. Дом пах сыростью, мышами и временем, которое здесь застыло, как жир на остывшем бульоне. В этот дом её прабабушка Елизавета пришла молодой женой красавца-приказчика, служившего в универмаге в 1910 году. В этом доме у неё родились дети: дочка Анна и сынок Игнат. После её смерти хозяйкой в доме осталась её дочь Анна. В этом же доме родилась и прожила большую часть жизни Анина мама. Маме от работы дали квартиру, Аня родилась в ней, и дом, почему-то, мама продавать не хотела. Хотя к садоводству и огородничеству у неё тяги не было, продать дом рука не поднималась. Аня с подружками в детстве любила играть в доме и в саду.

Её неожиданно потянуло в дом. Она побродила по комнатам и решила забраться на чердак. На чердаке, залитом косыми лучами света, в которых танцевали пылинки, она нашла небольшой липовый ларец. Замок на нём сгнил, и крышка откинулась с тихим скрипом. Внутри не было ни драгоценностей, ни старых фотографий. Там лежали всего две вещи.

Первая — ком сырой, тёмно-серой вятской глины. Анна удивилась: глина должна была высохнуть и рассыпаться в прах за десятки лет, но она была влажной, податливой и... тёплой. Она пульсировала у неё в ладони, словно в ней билось крошечное, замедленное сердце.

Вторая вещь — маленькая, треснутая глиняная свистулька. Анна провела пальцем по шершавому боку игрушки. В этот момент настенные часы в углу комнаты, которые не ходили уже лет двадцать, вдруг громко и чётко пробили: *Дзынь-дзынь-дзынь...*

Анна посмотрела на часы. Стрелки замерли. На циферблате, освещённом ярким лучом солнца, горели цифры: 10:01.

«Зеркальное время», — подумала она.

Глина в её руке резко нагрелась, обжигая кожу. Девушка охнула и выронила её на пол. Ком не шлепнулся, а мягко, почти намеренно, перекатился и остановился у ножки старого стола. И тут Анна услышала сухой, шелестящий шёпот, похожий на шуршание прошлогодней листвы:

— *Нюра...*

Анна в страхе замерла и подумала: *«Что это? Я ведь в доме одна. Здесь никакой Нюры».*

Она попятилась к двери, схватила сумку, сунула в карман пальто глину и свистульку и почти бегом спустилась по скрипучей лестнице. Выбежав на улицу, она выдохнула и подумала: *«Что это было?»*

Вокруг шумел современный город: ехали машины, горели витрины. Но когда Анна бросила взгляд на экран разблокированного телефона, цифры на долю секунды мигнули и показали 10:01, прежде чем вернуться к реальному времени.

Глина в кармане продолжала тихо пульсировать в такт её учащённому сердцебиению.

ГЛАВА 2. ИСПОВЕДЬ НА КУХНЕ.

На следующий день Анна не открыла ноутбук. Она сидела на кухне у мамы, сжимая чашку с остывшим чаем. За окном светило солнце, но внутри было холодно.

— Он уезжает через месяц, мам, — тихо сказала она, не поднимая глаз. — Он получил место в Петербурге. Хорошее место. Он просит меня поехать с ним. Говорит: «Аня, или мы начинаем новую жизнь вместе, или... или нам лучше расстаться сейчас». А я... я физически не могу представить, что уеду. Меня тошнит от одной мысли о переезде. Будто кто-то держит меня за горло. Мы ссоримся из-за этого каждый день. Он говорит, что я его не люблю. Что я боюсь перемен. А я... я просто не могу.

Мама медленно поставила чашку на стол и побледнела, так что Анна испугалась.

— Ты думаешь, это твой характер такой? Что ты просто «домоседка»? — голос мамы был тихим, но в нём дрожала сталь. — Нет, доча. Это не характер. Это цепи. Те самые цепи, которые сковали меня. И твоего отца.

Анна подняла глаза.

— Папу? Но он же... он же просто уехал. В Ленинград.

Мама горько усмехнулась. Усмешка вышла кривой, болезненной.

— Уехал... Да. Он был лётчиком, Аня. Помнишь? Высокий, красивый, с улыбкой, от которой становилось тепло. Мы познакомились летом. Тем летом... оно было лучшим в моей жизни. Мы гуляли по набережной, смеялись, мечтали. Он говорил, что заберёт меня в Ленинград. Что там небо другое, выше и чище.

Мама отвела взгляд, глядя куда-то сквозь стену, в прошлое.

— Он уехал осенью. Сказал: «Я поговорю с командованием, решу вопросы с жильём и вызову тебя». Я верила ему. Я собирала чемоданы. Я гладила платья, которые хотела надеть на Невском проспекте. Я ждала звонка. День за днём. Неделя за неделей.

Голос мамы сорвался.

— Прошло три месяца. Потом четыре. Звонка не было. Писем не было. Он просто... исчез. Растворился в ленинградском тумане. А через несколько месяцев родилась ты.

Анна почувствовала, как холод пробирает до костей. Она знала эту историю лишь в общих чертах: «Папа уехал и не вернулся». Но она никогда не слышала этой боли.

— Почему он не вернулся, мам?

— Потому что не смог, — шепнула мама. — Или не захотел. Кто знает? Но я знаю одно: в тот момент, когда он вышел за порог нашего дома и сказал «до свидания», сработало проклятие.

— Какое? — спросила Анна.

— В нашей семье существует легенда, в которую я раньше не верила.

— Мам, ну расскажи, ну расскажи!

— Твоя прабабушка Елизавета была красивой и гордой женщиной. Она была счастлива в браке: у неё был муж и двое детей. И больше всего на свете она боялась их потерять. И когда в 1913 году родилась её дочь Анна, Елизавета слышала от старых людей, что если встать на крыльцо магазина «Стрелка» и загадать желание, оно обязательно исполнится. Видимо, предчувствуя скорую разлуку с мужем, она в отчаянии пришла на крыльцо и в зеркальное время 13:13 дала зарок: *«Чтобы мой род пустил корни здесь и никогда не покидал вятскую землю»*.

Духи Вятской земли зарок приняли, но поставили условие, что девочки будут носить зеркальные имена: Елизавета — Анна — Елизавета — Анна.

Мама резко взглянула на Анну, и в её глазах блестели слёзы.

— Твой отец бросил меня. Он исчез. А мы с тобой остались здесь. — Она протянула руку и накрыла ладонь Анны своей. Рука была холодной и дрожащей. — Разорви это заклятие, Анна. Слышишь? Разорви его сейчас. Пока не поздно. Чтобы у тебя не произошло так, как у меня. Чтобы ты не прожила жизнь, глядя в небо и ожидая звонка, который никогда не раздастся. Чтобы ты могла выбрать: остаться или уехать. По своей воле. А не потому, что тебя держат невидимые нити.

Вечером Анна не смогла усидеть дома. Её тянуло в центр. Она бродила по старым улицам, пока не оказалась у здания кинотеатра «Октябрь». Внутри как раз шёл ретроспективный показ отреставрированной кинохроники Вятки 1913 года. Анна купила билет и села в полупустой зал. На экране, под мягкий треск старой плёнки, ожила дореволюционная Вятка. Аня увидела счастливую предвоенную жизнь. Богатую рыночную площадь, заполненную людьми до отказа. Купцы переговаривались с приказчиками, дамы в пышных шляпках с перьями разглядывали ткани, возы ломились от товара. Кадры дышали жизнью, шумом и уверенным достатком ушедшей эпохи. Но вдруг внимание Анны приковала одна фигура.

Посреди этой пёстрой, снующей толпы стояла женщина в тёмных одеждах. Пока вокруг неё двигались люди, она оставалась абсолютно неподвижной, словно вырезанная из другого времени и наложенная на плёнку. Она пристально посмотрела на Анну, сидящую в темноте зала сто лет спустя. Вдруг у женщины стали исчезать глаза, и на их месте образовались два бледных, светящихся пятна. Анне было жарко, холодно и жутко одновременно. Глина в кармане жгла бедро. Она выбежала из кинотеатра с ужасом и пошла в неизвестном направлении. Аня присела на скамейку под цветущей черёмухой, и в шелесте листьев раздался тот самый шелестящий голос, теперь уже с явными тягучими вятскими нотками:

— Нашла, девонька? Завсегда знала, што кровь не водица. Она помнит. Што было — то будет, што в зеркале — то вправду...

В страхе взглянув на часы, она увидела 12:21.

ГЛАВА 3. ГОЛОС РАЗУМА И АРХИВНАЯ ПЫЛЬ.

Аня работала удалённо. Это было удобно, потому что она могла свободно располагать своим временем. Ноутбук стоял на кухонном столе, рядом остывал кофе, а на экране висели вкладки с оцифрованными архивами Кировской области. В дверь позвонили. Это была Ольга. Они работали в одном отделе краеведения, дружили со студенческой скамьи. Ольга была рациональной, современной, любила планирование и считала вятские суеверия милым, но устаревшим фольклором.

— Аня, открой! — голос Ольги пробился сквозь дверь.

Оля вошла и начала возмущаться:

— Могла бы запереться. Что-то ты стала совсем рассеянная. Вид у тебя так себе.

Ольга поставила на стол пакет с эклерами и скрестила руки на груди.

— Что происходит? Ты пропускаешь планёрки, бормочешь что-то под нос про какие-то «зеркала» и «зароки». Это уже не смешно. Тебе к врачу надо, или в отпуск. Поехали в Питер на выходные, отвлечёшься, а вдруг тебе там понравится и не будет у вас проблем с Максимом. Он же хороший парень. Я бы за таким поехала на край света.

«Размечталась, он мой!», — подумала Анна.

— Не могу я уехать, Оля, — тихо сказала она, и в её голосе прозвучала такая тоска, что подруга отступила на шаг.

— Не могу я уехать и не хочу, пока не разберусь в этой истории. Я не сдвинусь с места.

Аня не стала рассказывать Оле про тайные знаки, потому что та её всё равно не поймёт и ещё разболтает на работе, что у Анны не в порядке с головой.

Оля ещё немножко поумничала и убежала по своим делам.

Пальцы Анны скользнули по тачпаду, открывая файл, который она нашла час назад. Сухая, безжалостная лагерная карточка:

«Игнатий, сын Елизаветы. Арестован в 1937 году. Осуждён по статье 58. Отбывал наказание в Вятлаге, лесоповал. Срок: 10 лет. Освобождён в 1947».

А дальше — метрическая запись 1918 года:

«Василий, муж Елизаветы. Возвращён с фронта. Инвалид войны. Ампутация левой ноги ниже колена».

Анна почувствовала, как пол уходит из-под ног. Словно пазл сложился в кошмарную картину. *Это же мои родные...*

«Елизавета дала зарок у "Стрелки" в 1913 году, умоляя силы оставить её семью на этой земле, не дать им разбрестись по свету. И силы услышали её. Муж вернулся, но искалеченным, привязанным к дому. Сын не уехал строить новую жизнь, а оказался заперт в вятских лагерях, среди бескрайней тайги и колючей проволоки. Они не уезжали. Они были заперты. Так вот он, зарок!»

Аня вспомнила свой недавний разговор с Ольгой, которая советовала ей перестать рыться в архивах и жить своей жизнью.

«Я не могу этого сделать. Это память, это мои родные».

ГЛАВА 4. КАРТА ЗАБЫТЫХ ДОРОГ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.